

Русские тихоокеанские колонии: забытая страница отечественной истории XIX века

А. Ю. Плотников

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Российское военно-историческое общество, Москва, Россия

al.yu.plotnikov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена история тихоокеанских колоний России в XIX столетии (кроме «Русской Америки» – Аляски и форта Росс) в контексте международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе того периода. Особое внимание уделено обстоятельствам приобретения и последующей утраты Россией своих владений в Тихом океане в последний «классический» колониальный период новой истории.

Ключевые слова: русские тихоокеанские колонии, Аляска, Фактория РАК на Гавайях, Форт Росс, Русская «военная станция» на Цусиме (Цусимских островах)

Для цитирования: Плотников А. Ю. Русские тихоокеанские колонии: забытая страница отечественной истории XIX века // Вестник Московского государственного университета. Общественные науки. Вып. 4 (857). С. 97–106.

Original article

Russian Colonies in the Pacific and International Relations in the Asian-Pacific Region in the XIX Century

Alexey Yu. Plotnikov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Russian Military Historical Society, Moscow, Russia

al.yu.plotnikov@yandex.ru

Abstract: The article analyzes the history of Russian's colonies in the Pacific region in the XIX century (excluding "Russian America" – Alaska and Fort Ross in California) in respect of international relations in Asian-Pacific region (APR) of the said period. The main attention is focused on the story of obtaining and final loss of Russian's possessions in the Pacific in the XIX century – the last "colonial century" in world's history.

Key words: Russian's colonies in the Pacific, Alaska, "Russian-American Company (RAC) factory" in the Hawaii, Fort Ross, Russian "Military station" on Tsushima islands

For citation: Plotnikov, A. Yu. (2024). Russian colonies in the Pacific and international relations in the Asian-Pacific region in the XIX century. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(857), 97–106. (In Russ.)

РУССКИЕ ТИХООКЕАНСКИЕ КОЛОНИИ

С девятнадцатым столетием связана история «Русской тихоокеанской эпопеи». Она включала колониальную, деятельность России в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Наиболее известными русскими колониями в данном регионе являются Аляска и Росс в Калифорнии.

Русская Америка и Форт Росс были не единственными русскими тихоокеанскими колониями (в традиционном «западном» понимании этого слова), о существовании которых сейчас мало кто знает. Однако они составляют неотъемлемую часть русской истории XIX столетия, – последнего классического «колониального» века всемирной истории, в котором свое заметное – и, как всегда, особое – место занимает Россия.

В первую очередь, сказанное касается наших островных колоний, которые составляют практически вообще неизвестную страницу истории деятельности России в АТР.

Итак, кроме Аляски и колонии в Калифорнии (форт Росс) Россия имела реальную возможность создать в Тихом океане колонии на Гавайях и Новой Гвинее, а также военную базу на островах Цусима.

Все эти возможности были или упущены, или остались нереализованными, и хотя Россия на протяжении тридцати лет реально владела одной из этих колоний – фортом Росс – результат также не был закреплен, что, в конечном счете, привело к утрате означенного русского форпоста в Калифорнии.

В этом смысле история русских колоний в «Восточном море» представляет несомненный интерес и с исторической, и с практической точек зрения в свете внешнеполитических задач РФ сегодня.

Об истории русских островных тихоокеанских колоний и пойдет речь.

За основу возьмем хронологический принцип, начиная от первого по времени возникновения «эпизода» колониальной деятельности России в АТР, расположив их в следующей последовательности: «Гавайская фактория» – *Берег Маклая* – «Военная станция» на Цусиме.

«ГАВАЙСКАЯ ФАКТОРИЯ» ШЕФФЕРА

Одной из наименее изученных да и вообще малоизвестных страниц «Русской тихоокеанской эпопеи» остается история «несостоявшейся» русской колонии на Гавайях.

«Гавайская фактория» возникла на три года позднее основания форта Росс – в 1815 году, однако стала первой по времени «упущенной» Россией тихоокеанской территорией.

Как и основание Росса в Калифорнии, появление Гавайской колонии стало результатом деятельности Российско-Американской компании (РАК), выступавшей пионером русских исследований и освоения Тихого океана в XVIII–XIX столетии.

История создания «Гавайской фактории» такова¹.

В 1814 году главный правитель Русской Америки А. А. Баранов направил к королю Сандвичевых (Гавайских) островов Камеомео (Камехамена; *Томеомео* в русском произношении XIX века) для установления с Гавайями торговых отношений компанейское судно «Беринг».

Однако у острова Кауай судно попало в шторм, и было выброшено на берег. При этом груз был разграблен местными жителями. Вождь острова – Томари, враг Камеомео, несмотря на обращения РАК, вернуть товар отказывался, ссылаясь на то, что выброшенное судно является его добычей.

Для разрешения ситуации, в 1815 году Баранов направил к Камеомео, резиденция которого располагалась на о. Оаху, комиссионера Компании доктора Е. Шеффера (O. Schaeffer). В его задачу входило добиться возврата судна и груза или получения компенсации сандаловым деревом, которое пользовалось в регионе большим спросом.

Вначале Камеомео принял русских хорошо, но вскоре, из-за интриг американцев, распространявших слухи о том, что Шеффер прибыл с разведывательной миссией с целью последующего захвата русскими островов, отношение короля к зарубежным гостям изменилось.

Шеффер был вынужден перебраться на остров Кауай к Томари, что, в итоге, дало нужный для выполнения его миссии результат: вылечив от болезни Томари и его жену, Шеффер приобрел полное доверие и расположение правителя острова.

В результате переговоров, Шеффер заключил с Томари соглашение, которое открывало для Компании реальную возможность закрепиться на Гавайях, создав там свое поселение (о. Кауай – *Сад-остров* – четвертый по размеру среди Гавайских островов).

Соглашение («Конвенция»), заключенное Шеффером, включало, в частности, следующие условия: 1. *Корабль «Беринг» и захваченный груз возвращается Компании;* 2. *Король Томари обязывался ежегодно доставлять в Русскую Америку полное судно сушеной тары;* 3. *Все сандаловое дерево с подвластных Томари островов передавалось в распоряжение Шеффера, и торговля им должна была производиться только с РАК;* 4. *Русским*

¹Напомним, Гавайский архипелаг был открыт в 1778 г. английским мореплавателем Дж. Куком, который назвал его «Сандвичевыми островами» в честь своего патрона, первого лорда Адмиралтейства графа Сандвича.

предоставлялось право учреждать фактории во всех владениях Томари (кроме Кауай владел также островом Нигау).

На основании отдельного соглашения Томари с подвластным ему населением поступал под покровительство российского императора [Тихменев, 1861, с. 186]. В знак «высочайшего покровительства» Томари под «высочайшее покровительство» на острове был поднят русский флаг.

Условие об уступке РАК части о. Оаху полностью отвечало намерениям Баранова, который в дополнительной инструкции Шефферу поручил ему обсудить с Томари вопрос об учреждении на острове, где уже существовало поселение американцев, русской торговой фактории [там же, с. 187].

Шеффер энергично приступил к реализации договоренностей: приобрел для Томари два судна и приступил к строительству укрепленных факторий (они создавались одновременно на Кауай и Оаху) используя лес, доставленный на Гавайи из Ново-Архангельска.

Строительство факторий шло успешно и уже в 1816 году создание русского форпоста на Гавайях было практически завершено. Причем в строительстве мы явно опережали иностранцев, поскольку русское «утверждение» на Гавайях, в отличие от временных поселений американцев, обещало быть постоянным и долговременным (первые иностранные миссионеры прибыли на острова только в 1820 году).

Это обстоятельство и послужило главной причиной яростного сопротивления «русскому водворению» на Гавайях со стороны американцев, с самого начала увидевших в представителях РАК реальных – а, потому, нежелательных – конкурентов.

Итак, основание было положено, и оставалось лишь продолжить и закрепить успешно начатое. Тут-то и возникли первые трудности, которые изначально исходили не от иностранных конкурентов, а от официального Петербурга. Его позиция была ригористичной.

Баранов, всегда поддерживавший инициативу и смелые предприятия Компании, способствовавшие укреплению ее позиций, и одобрявший заключенные с Томари соглашения, тем не менее, должен был получить от Главного правления РАК в Петербурге согласие на утверждение договоренностей.

Из столицы пришел отказ Александра I принять Томари под российское покровительство (контраргументы Александра состояли в том, что Сандвичевы острова, по имеющимся сведениям, состоят под покровительством Англии) с предписанием вернуть последнему составленный в этой связи Акт (что фактически означало бы отказ от заключенных соглашений). Однако вышеозначенное предписание было позднее отменено.

По настоянию руководства РАК, Акт о принятии «под высочайшее покровительство» Томари возвращен не был, а самому «королю» была дополнительно пожалована золотая медаль ленте с надписью «Владетелю Сандвичевых островов Томари в знак дружбы его к россиянам», а также пожалованы традиционные в таких случаях подарки.

Однако этим всё ограничилось: никакой реальной официальной поддержки «проект Шеффера» не получил. В результате инициативу перехватили американцы. Они сделали всё, чтобы воспрепятствовать русскому закреплению на Гавайях.

В результате созданная в рекордные сроки русская фактория оказалась фактически предоставленной самой себе, чем не преминули воспользоваться наши конкуренты. Они сделали всё, чтобы «известить» русские фактории, дававшие России неоспоримые права на занятые территории (напомним: уступка территории под строительство по договору с местным владельцем, поднятие флага, создание поселений, принятие Томари под «высочайшее покровительство»), что им в результате удалось.

Первое, что попытались сделать американцы – добиться спуска, поднятого на Кауаи русского флага. Когда сразу добиться этого не получилось, были задействованы другие методы.

Сначала они перекупили у Томари все товары, которые он обязался поставлять РАК по соглашению, а потом подкупом и интригами начали напрямую «изживать» русских. Первой удалось истребить факторию на Оаху и изгнать оттуда Шеффера, затем то же повторилось на Кауаи.

Как всегда в подобных случаях, американцы (как, впрочем, и другие европейцы в борьбе за колонии) действовали бесцеремонно и напористо, что не раз отмечали исследователи РАК. Когда с первой попытки уничтожить нашу факторию на Кауаи не удалось, был распушен слух, что если на острове не будет спущен русский флаг, американцы пришлют суда и перебьют всех жителей острова, затем этим же жителям «помогли» захватить русское имущество. Ситуация еще более осложнилась, когда американский капитан компанейского судна «Ильмень» вместе с командой (состоявшей также из американцев) «без церемонии бросил свое судно» [Тихменев, 1861, с. 189].

Под угрозой расправы Шеффер был вынужден перебраться на компанейские суда, а когда высадиться на берег и отбить имущество не удалось – уйти в порт Гонолулу, известив о произошедшем Баранова. В июле 1817 года, не дождавшись помощи из Ситки и оставив часть служащих РАК на о. Оаху, он на иностранном судне отправился в Кантон, через который вернулся в Петербург.

Так закончился первый этап борьбы за русское присутствие на Гавайях.

Возвратившись в Петербург в 1818 году, Шеффер подал министру внутренних дел (РАК, как полуправительственная компания, находилась в ведении МВД) записку, в которой, обосновывая выгоду торговли с Сандвичевыми островами, вновь поставил вопрос о занятии РАК одного из гавайских островов и учреждении там русской фактории [Тихменев, 1861].

Совет при Главном правлении Компании поддержал проект, делая особый упор на обеспечении бесперебойного снабжения продовольствием не только Русской Америки, но Камчатки и Курил, также находившихся в ведении РАК.

Однако в Петербурге вновь возобладала иная точка зрения: Александр повторно не утвердил «Гавайский проект», указав, «что мысль о водворении русских на одном из Сандвичевых островов имеет весьма мало оснований», предоставив Компании право распорядиться «назначенными владельцу островов от Высочайшего имени» подарками по своему усмотрению [там же, с. 192].

Так выгодный во всех отношениях «купеческий проект» (проблема продовольственного снабжения Аляски была одной из самых острых с момента основания Русской Америки) был «утоплен» бюрократическим государственным аппаратом.

Так Россией вторично – и на этот раз уже окончательно – была упущена реальная возможность создать себе опорную базу в самом центре Тихого океана, в результате чего «сношения компании с Сандвичевыми островами ограничивались впоследствии только приобретением там, при удобном случае, продовольственных запасов, в особенности, соли» [там же].

Практически во всех официальных исследованиях, посвященных истории «Гавайской фактории», Шеффер представляется не иначе, как авантюрист (в лучшем случае – «честолюбец», стремившийся завоевать славу основателя новой колонии), чуть было не вовлекший РАК в военный конфликт, а также особо подчеркивается, что этот «опыт» стоил Компании «230 тыс. руб. ассигнациями невознаградимой потери» [там же, с. 191].

При этом нигде не говорится, что благодаря этому «авантюризму» Россия получила почти готовую колонию на Гавайях и окажи здесь Петербург «Гавайскому начинанию» минимальную поддержку (руководство РАК идею Шеффера, повторим, поддерживало) Россия наверняка бы «утвердилась» на архипелаге.

Думается также, что ссылка на «истраченные впустую 230 тыс. руб.» является лишь попыткой оправдать слишком очевидную и

труднообъяснимую уступку «форта Шеффера», поскольку создание укрепленной «Гавайской фактории», безусловно, стоило весьма скромной по тем временам – имея в виду «цену вопроса» – суммы в 230 тыс. руб. ассигнациями (в среднем, стоимость грузов, перевезившихся одним компанейским судном: например, стоимость груза, погибшей в результате крушения в 1813 году «Невы», составляла 250 тыс. руб.; груза разбившейся в 1811 году «Юноны» – 200 тыс. руб. ассигнациями) [там же, с. 230].

О стратегическом – во всех отношениях – значении такого форпоста, вспомнили позже.

Весьма показательным, в этой связи, является мнение известного исследователя РАК П. Головина, посетившего Русскую Америку в 1860 году; «Сандвичевы острова представляют все удобство для содержания там постоянной станции: оттуда пути открыты и в Америку, и в Японию, и в Китай, и командиры судов наших будут иметь полную возможность ознакомиться с плаванием в местностях, в которых, в случае войны, должна будет сосредоточиться вся их деятельность» [Головин Морской сборник, 1862, с. 137].

Памятником «несостоявшейся» русской фактории на Гавайях служат остатки «форта Шеффера», сохранившиеся до настоящего времени в одной из гаваней острова Кауай [Encyclopaedia Americana, 1973, с. 872].

«БЕРЕГ МАКЛАЯ»

В 1884–1886 годах Россия имела реальную возможность создать колонию на о. Новая Гвинея, но в этот раз уступила Германии. Как и в случае с Гавайями, все правовые основания были на нашей стороне, чем Россия также не смогла или не захотела воспользоваться.

«Несостоявшаяся» новогвинейская колония связана с деятельностью известного русского исследователя Океании Николая Николаевича Миклухо-Маклая, которому она и обязана своим существованием. Эта земля вошла в историю под его именем.

История обретения и утраты Россией «Берега Маклая» такова.

В ходе экспедиций на острова южной части Тихого океана Миклухо-Маклай побывал на Новой Гвинее, где он занимался научными исследованиями и изучением острова в течение десяти лет (1871–1883).

В деле «новогвинейской колонии» мы имеем, пожалуй, единственный в отечественной практике случай, когда права личного (частного) землевладения предшествовали – и, одновременно, являлись основанием – для возникновения

соответствующих территориальных прав государства¹.

Впервые Миклуха подробно обследовал территорию северо-восточного побережья Новой Гвинеи, прилегающую к заливу Астролябия, получившего впоследствии название «Берег Маклая» (1871–1872).

Эта была обширная и удобная для освоения территория Новой Гвинеи. По описанию самого Миклухо-Маклая, она простиралась «от мыса Кроазиль на западе до мыса Короля Вильяма на востоке, от берега моря на северо-востоке до высочайшего хребта гор (Мана Боро-Боро) на юго-западе». Если посмотреть на карту, Берег Маклая занимал участок побережья Новой Гвинеи между 5° и 6° ю. широты [Миклухо-Маклай, 1997].

Первый раз с предложением установить над этой территорией русский протекторат Миклуха обратился к правительству России в 1875 году. Эта геополитическая идея, однако, была отклонена с формулировкой «ввиду отдаленности этой страны и отсутствия там русских интересов»².

Вторично с аналогичным проектом он выступил в 1883–84 годах, в период активизации в Океании колониальной деятельности Великобритании и Германии, когда возникла реальная угроза потери Россией прав на эти территории (обращения были направлены Александру III, великому князю, генерал-адмиралу Алексею Александровичу и Министру иностранных дел Гирсу).

В обоснование прав России на эту территорию Миклухо-Маклай приводил факты: поднятия русского флага в «главнейших гаванях» Берега Маклая – Портах Константин и Алексей, который никогда официально не спускался «почему, не нарушая международного права, не мог без нашего согласия быть замещен германским»; неоднократного посещения Новой Гвинеи русскими военными судами, производившими его съемку и описание; установки в 1872 году в Порту Константин стеллы-знака с надписью: «*Vitiaz* 1871 – *Miklouho-Maclay* – *Izoumroud* 1872»; своего длительного проживания на острове и проведением научных исследований, описания и хозяйственного освоения территории; и факте приобретения на территории «Берега Маклая», а также в близлежащих районах в собственность участков земли, на которых были построены дома и разведены плантации [там же, с. 389, 427, 428, 448, 457–458].

Именно приобретение русским подданным в собственность земли явилось главным основанием

для возникновения прав на эти территории у России в соответствии с международно-правовой нормой, согласно которой «акты присвоения со стороны частных лиц, если они утверждены, будут представлять собой доказательства эффективной оккупации в обычном порядке» [Броунли, 1997, с. 227].

Центром русской колонии на Новой Гвинее Миклуха предлагал сделать Порт Алексей («гавань отличная, легко защитимая, климат сравнительно хороший, географическое положение в случае войны выгодное и центральное; земля вокруг плодородная и удобная во всех отношениях» – писал он в своем донесении вице-адмиралу Н. Чихачеву) [Миклухо-Маклай, 1997, с. 387].

Возможность «занятия» Россией Берега Маклая в то время облегчалась также тем, что Англия в 1884 году установила свой протекторат только над южной частью острова и его северное побережье оставалось «свободным».

Учитывая неоспоримые правовые преимущества на эту часть Новой Гвинеи России, такое «занятие» было вполне реальным и «беспроблемным».

По распоряжению Александра III обсуждение «проекта Маклая» состоялось в Петербурге в 1884 году. Однако несмотря на всю обоснованность проекта и правовой и стратегической точки зрения, было решено его вновь отклонить (следует подчеркнуть, что Александр III относился к «территориальным проектам» Миклухо-Маклая весьма серьезно, всякий раз требуя от министров тщательного и всестороннего рассмотрения его предложений).

Главной причиной отказа на этот раз был следующий аргумент: ввиду отдаленности этих территорий, Россия будет не в состоянии удержать их за собой, хотя при этом и подчеркивалась необходимость российского участия в вопросах «территориального устройства» в Тихом океане «с тем, чтобы, – как писал Министр иностранных дел Н. Гирс – не допустить установления порядков, несогласных с нашими интересами»³.

Однако пока в Петербурге совещались, произошло то, чего опасался Миклухо-Маклай: Германия опередила Россию, объявив 5(12) декабря 1884 года об установлении своего протектората над северной частью Новой Гвинеи и близлежащими островами, получившими в дальнейшем немецкое название «Архипелага Бисмарка».

История немецкого «завладения» Новой Гвинеей такова.

В августе 1884 года в Сидней прибыл имевший специальные полномочия канцлера Бисмарка немецкий агент доктор Финш (Finsch). Чтобы не вызвать подозрения англичан, вся операция

¹Зд. и далее архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). АВПРИ, ф. 155, л. 108.

²АВПРИ, д. 103. лл. 16–16 об.

³АВПРИ, д. 104. лл. 40 об. – 41.

проходила под флагом торговой миссии. На приобретенном судне Финш сначала посетил немецкую факторию на о. Миоко (около о. Новая Ирландия), а затем 29 сентября (11 октября) того же года высадился в заливе Астробабия на Новой Гвинее.

Пользуясь выведенными у ничего не подозревавшего Миклухо-Маклая сведениями о нравах жителей «Берега Маклая», Финш, выдав себя за его брата, приобрел там участок земли.

На этом основании, 5(17) октября 1884 года он поднял там флаг Германии. То же самое Финш проделал на близлежащих островах (Били-Били и Грагед). Через месяц северо-восточное побережье Новой Гвинеи и прилегающие острова обошел немецкий военный корабль, провозгласив установление там германского протектората [Миклухо-Маклай, 1997].

Еще через месяц, 5(17) декабря 1884 года правительство Германии распространило об этом официальное заявление (в дальнейшем новогвинейская колония получила название «Земля императора Вильгельма»; имя доктора Финша сохранилось до настоящего времени в названии порта «Финшхафен»).

Таким образом, вся операция была проведена за четыре месяца.

Так была создана новогвинейская колония Германии, которая в отличие от России не боялась «отдаленности территории» и увидела там «свои интересы».

Впрочем, это еще не означало окончательную для нас потерю Новой Гвинеи, поскольку Россия, как было показано, обладала несравненно большими правами на эти территории, и при соответствующей официальной поддержке мы вполне могли бы «отыграть» себе часть территории Берега Маклая.

Последняя попытка сохранить за Россией берег своего имени была предпринята Миклухо-Маклаем в 1886 году, когда он обратился к Александру III с просьбой разрешить ему основать в Порту Алексей (или на одном из незанятых другими государствами островов Тихого океана) русскую колонию, заселив ее добровольцами-переселенцами из России. Когда в июле 1886 года Миклуха писал обращение императору, у него уже было 320 заявок от желающих отправиться жить на Новую Гвинею. Количество заявок в дальнейшем возросло до 1200 [там же, с. 453].

Предложения ученого вновь не получили поддержки правительства и в декабре 1886 года Александр утвердил представленную МИД-ом докладную записку с отказом Миклухо-Маклаю по обоим пунктам (и по Новой Гвинее, и по тихоокеанским островам).

Так в третий раз, теперь уже окончательно, была похоронена идея создания русской колонии

в Океании, в результате чего Россия потеряла права на территорию Берега Маклая, приобретенные благодаря усилиям и деятельности русского ученого-исследователя и не стоившая русской казне практически ни копейки.

Остается по-прежнему неясным вопрос, почему в Петербурге в отличие от Берлина не увидели в Новой Гвинее «ни политического, ни экономического значения» и почему наша тихоокеанская колония не представляла бы «существенной пользы для государства» (напомним, к тому времени Россия и Аляска были проданы, и у России не оставалось ни одной базы на Тихом океане).

Что же касается немецкой колонии Финша, которая с конца 1880-х годов, подобно Русской Америке, управлялась специально созданной для этого «Новогвинейской компанией», то она, как и другие колонии Германии, просуществовала до Первой мировой войны, во время которой была оккупирована австралийскими войсками, а затем стала Австралийской подмандатной территорией.

Эпизод с «Берегом Маклая» завершил историю русской колониальной деятельности в Тихом Океане, память о которой сохраняется на пространствах «Великого Восточного моря» от Новой Гвинеи до Аляски.

В заключение рассмотрим историю «несостоявшейся» русской военно-морской базы на островах Цусима, около которых в 1905 году произошло трагическое для нас сражение русско-японской войны.

«ВОЕННАЯ СТАНЦИЯ» НА ЦУСИМЕ

Русская «Военная станция» (база) на Цусиме – если бы ей суждено было «состояться» – не относилась бы к разряду колоний, однако история попытки ее создания имеет непосредственное отношение к рассматриваемому нами вопросу (в частности, международной «практике» создания колоний) и, потому, заслуживает специального рассмотрения.

Кроме того, история «Военной станции» на Цусиме интересна тем, что хорошо показывает «кухню» принятия политических решений по вопросам заграничной «территориальной политики» России.

История «несостоявшегося» русской военно-морской базы на Цусиме относится к событиям середине XIX века, и приходится на первые годы после «открытия» Японии для внешнего мира в 1854–1855 годах.

В конце 1850-х годов в русское Морское министерство стала поступать информация о намерении Англии, пользуясь тогдашней слабостью Японии, установить контроль над Цусимскими островами.

Напомним, два разделенные узким проливом острова, составляющие Цусимский архипелаг – Камидзима (северный) и Симодзима (южный), расположенные в самом центре Корейского пролива, обеспечивают полный контроль за этой ключевой транспортной артерией, отделяющей Японию от Кореи и Японское море от моря Восточно-Китайского.

Первым на стратегическое значение для России Цусимских островов обратил внимание командир созданной в 1860 году (после присоединения к России Приморья) первой русской Тихоокеанской эскадры, капитан 1 ранга И. Ф. Лихачев (впоследствии известный мореплаватель, вице-адмирал).

В докладных записках на имя великого князя, генерал-адмирала Константина Николаевича и управляющего морским министерством адмирала Н. Краббе, он поставил вопрос о необходимости создания на островах русской «военно-морской станции», что обеспечило бы России незамерзающий порт на Тихом океане в стратегически важном районе, он «как часовой на страже стоит посреди не Корейского пролива» (имеется в виду, что Владивосток, основанный в бухте Золотой Рог только в 1860 году, в то время был небольшим и слабо оборудованным портом)¹.

Необходимость обеспечить свободный выход из портов Дальнего Востока в Тихий океан была дополнительно продиктована тем обстоятельством, что по Парижскому договору 1856 года России был фактически закрыт свободный выход наших военных судов в Атлантику через Черное море [Сборник договоров России, 1952].

Великий князь активно поддержал идею Лихачева, о которой было доложено Александру II, после чего в правительстве состоялось ее обсуждение. Поскольку позиции ведущих министерств не совпадали, было принято «нестандартное решение». Ввиду нежелания МИД-а взять на себя официальную «дипломатическую» реализацию проекта из-за опасения конфликта с Японией (формальным основанием был неурегулированный в то время до конца вопрос с Сахалином, которой до 1875 года, напомним, оставался в совместном владении России и Японии), его исполнение было возложено на военных (как это неоднократно практиковалось и ранее).

Лучше всего создавшаяся ситуация описана в письме великого князя Лихачеву от 26 июля 1860 года, которое в этой связи представляется нужным подробно процитировать (сохранен язык и стиль оригинала).

¹РГАВМФ, д. № 2385, лл. 2 об., 5 об.

«С этим вместе – писал Константин – ты получишь мое официальное отношение вследствие твоей записки о Тсу-Симе (генерал-адмирал хорошо знал Лихачева, который был назначен его адъютантом вскоре после Крымской войны. – А. П.); но, чтобы ты его вполне понял, мне необходимо написать тебе несколько объяснительных слов. Записку твою я читал Государю в присутствии Горчакова 22-го июля. Государь немедленно ее понял и понял всю действительную важность Тсу-Симы.

Горчаков тоже не мог не признать этой важности, но по **своей обыкновенной привычке побоялся** (выделено великим князем. – А. П.), чтоб из этого не вышло политического вопроса и, главное, чтобы нам из-за этого не перессориться с японцами. Он тотчас вспомнил о разнице положения, в которое себя поставили в Иедо (Эдо. – А. П.) Путятин и Муравьев: как с японцами мирно жил и ладил первый, и как с ними чуть-чуть не поссорился второй, поднявши вопрос об Анове (Аниве – залив на юге Сахалина. – А. П.). Потом он говорил, что решительно не знает, кому это дело поручить, а что поручить его Игнатьеву ему решительно не хочется. Кончил он тем, что просил меня его от этого дела освободить, и что *нельзя ли смотреть на него не как на дело дипломатическое, а как на вопрос чисто-морской* и потому поручить его тебе (выделено мной. – А. П.). Я, разумеется, был очень рад этому обороту и тотчас согласился: нам же лучше. Вот почему и написал я тебе, что дело это должно иметь характер морской сделки, а не дипломатического трактата.

Дело в том, чтобы мы могли основать на этом острове морскую станцию a la Villafranca (Виллафранко – «свободный порт». – А. П.). Для этого никакой дипломатии не нужно, и никто этого лучше тебя не сделает. Если можешь ты ограничиться местными сношениями с островными властями, или еще лучше без всяких соглашений, но только так, чтобы от японцев не было официального протеста, так, как американцы, например, поселились в Лу-Чу (Ликейские / Рюкю острова. – А. П.); это было бы всего лучше. На счет твоих будущих действий, ты сам лучший судья» [Житков, 1912, с. 26].

Таким образом, военным были «развязаны руки», но при этом им предстояло выполнить не только свою непосредственную миссию, но еще и работу нашего МИДа, который, при этом, оставался как бы «в стороне» (случай редкий в истории других стран, где МИД в подобных ситуациях, наоборот, всячески защищал и поддерживал действия своих военных).

Лихачев полностью оправдал ожидания Константина. В соответствии с полученными указаниями, 20 февраля 1861 года он направил на Цусиму из Хакодате корвет «Посадник» под командованием

капитан-лейтенанта (впоследствии контр-адмирала) Н. А. Бирилева, который в начале марта прибыл на южный остров архипелага – Симодзима.

Действуя максимально дипломатично, осторожно и терпеливо, Бирилев смог без давления и угрозы силой (как действовали в то время англичане и американцы) завоевать расположение князя Цусимы и получить разрешение на обследование бухты Имосаки, куда он перешел на корабле 2 апреля 1861 года.

В бухте был поднят русский флаг, а затем началось строительство склада, ремонтных мастерских, лазарета, в постройке которых принимали участие местные жители. При отливе, была заложена «пристань в 20 футов (6 м. – А. П.) ширины». На скалистом островке при входе в гавань был поставлен наблюдательный пост. К середине мая устройство «военно-морской станции» было практически закончено, после чего приступили к ремонту «Посадника».

В дар местному князю была передана часть пушек с корвета, а также устроена школа для обучения мальчиков русскому языку. Создаваемую русскую базу дважды посетил И. Лихачев. Пребывание русских на Цусиме, несмотря на принятые Бирилевым меры предосторожности, не могло остаться незамеченным. В первую очередь, об этом стало известно местным властям – губернаторам Нагасаки и Хакодате, которые были официально оповещены о приходе русских цусимской администрации.

Следует напомнить, что центральное японское правительство в то время крайне настороженно относилось к контактам с иностранцами местной (региональной) власти, традиционно усматривая в этом угрозу сепаратизма, и всегда жестко контролировало ее поведение (с аналогичным отношением «центра» к властям Нагасаки столкнулся в 1805 году наш посол Н. П. Резанов).

Не стал исключением и цусимский князь. 2 июня 1861 года на остров прибыли уполномоченные центрального правительства из Эдо (Токио), которые провели с Бирилевым переговоры, однако остались вполне удовлетворены его объяснениями о причинах и намерениях русского пребывания на Цусиме.

В конце июня 1861 года состоялись переговоры Бирилева с советником князя и представителями местной администрации, результатом которых стал согласованный сторонами проект соглашения о создании «русской военной станции» (та самая «морская сделка» о которой писал Константин Николаевич). Цусимский князь готов был поддержать проект «русского водворения» при отсутствии возражения из столицы.

В проекте договора, в частности, указывалось, что: «Князь Тсусимский вполне желает принять

покровительство России во всех отношениях, во исполнении чего если Русское Правительство признает нужным держать здесь суда, то мы охотно согласны на это, и место от Хироуры до Имосаки включительно и по указанную черту отдать в распоряжение русских судов и под защиту их всю бухту Тата-мура. С другими нациями никакого дела иметь не будем.

Мы просим Русское Правительство снабдить нас, сколько будет можно, новейшим огнестрельным оружием, а также просим русских обучать наших молодых офицеров новейшему военному делу ... не нарушать наших древних обычаев и не стараться вкоренять их веру ... но все это мы можем выполнить только тогда, если не будет к тому препятствий со стороны нашего Правительства в Эдо»¹.

Всё развивалось успешно, но затем вмешались те, кто должен был вмешаться, и кого так опасался наш МИД и лично Горчаков – англичане. В мае они узнали о присутствии на Цусиме русского корабля и незамедлительно стали действовать. Сначала в Имосаки было направлено три английских корабля (интересно отметить, что местные власти отказали англичанам в предоставлении провизии и дров), а затем к работе активно «подключился» английский посланник в Японии Р. Олькок.

Вскоре губернатор Хакодате стал убеждать нашего консула в Хакодате И. А. Гошкевича в необходимости ухода с Цусимы, ссылаясь на то, что присутствие русских на островах «...возбуждает неудовольствие других держав, вследствие чего японское правительство боится быть вынужденным сделать и для них какие-либо соответствующие уступки» (что соответствовало действительности с силу заключенных Японией в 1850-х годов договоров с европейскими государствами и США) [Болгурцев, 1993, с. 78].

Одновременно командующий английской эскадрой адмирал Хоуп направил Лихачеву (к тому времени произведенному в контр-адмиралы) письма о необходимости свертывания русской станции на Цусиме. Не имея официальных указаний от нашего МИД-а, Гошкевич направил Лихачеву письмо с предписанием отозвать «Посадника». Седьмого сентября 1861 года Бирилев покинул Симодзиму (последняя команда русских ушла с острова 17 сентября).

При этом поверенные князя Цусимы (а позднее и губернатор Хакодате от лица правительства) подтвердили, что всё русское имущество будет сохранено в целостности впредь до его востребования. Вышесказанное означало, что японцы не считали вопрос закрытым и были готовы вернуться к его обсуждению.

¹РГАВМФ, д. № 2385, 108–109.

Лихачев по собственному настоянию был вызван в Петербург, где под председательством Александра II состоялось заседание Особого комитета для разбирательства «Цусимского эпизода».

Необходимость продолжить начатое на Цусиме – ввиду его очевидной важности для обеспечения безопасности нашего Дальнего Востока – отстаивали генерал-адмирал и Лихачев. Противником вновь выступал Горчаков, на этот раз опасавшийся войны с Англией (в качестве некоторого оправдания такого «пораженческого» поведения нашего знаменитого министра напомним, именно Горчаков в 1870 году разослал западным державам известный «Циркуляр», покончивший с наиболее позорными для России условиями Парижского договора 1856 года. С момента окончания Крымской войны в то время прошло только пять лет и «кошмар коалиции» был еще слишком памятен) [Сборник договоров России, 1952].

ВНОВЬ ОБРАТИМСЯ К ИСТОЧНИКАМ

«Завершение Цусимского эпизода происходило в Петербурге, куда был отозван и Лихачев: дело решалось в Особом комитете под председательством Государя; в этом заседании Горчаков говорил очень горячо против занятия Цусимы, а Великий Князь защищал уже сделанное; затем государь поставил вопрос, стоит ли воевать из-за Цусимы с Англией (мысль, которую настойчиво проводил МИД. – А. П.) – ответ был отрицательный, и дело с Цусимой было закончено» [Житков, 1912, с. 27].

По указанию правительства консул И. Гошкевич проинформировал власти Хакодате (аналогичная информация была направлена в январе 1862 года японскому правительству в Эдо), что военно-морская станция была создана на Цусиме без санкции русского правительства, которые удовлетворились ответом и не стали заявлять формального протеста (на что их подталкивали иностранные, в первую очередь английские,

дипломаты) против нарушения русско-японского договора о торговле и мореплавании от 7.08.1858, в соответствии с которым русским судам для посещения были открыты только пять японских портов (Хакодате, Нагасаки, Канагава, Хего и «один порт на западном побережье о. Хонсю»; кроме этого русским разрешалось по торговым делам посещать Эдо и Осаку. – А. П.).

Так завершился «Цусимский инцидент», единственным положительным результатом которого, по свидетельству Лихачева (он сам же и пострадал из-за него, будучи вынужденным – правда на короткий срок – «удалиться от дел»), стало то, что мы «не дали Англии захватить этот остров» [Болгурцев, 1993, с. 79; Коршунов, 2003, с. 166].

Очевидно также, что военная станция на Цусиме – если бы она «состоялась» – стала бы весомым дополнительным аргументом при решении в 1875 году вопроса о статусе Сахалина – причем в нашу, а не в японскую пользу.

Впрочем, история, как известно, не знает солагательного склонения.

О неудавшейся попытке создания военно-морской базы на Цусиме, вошедшей в историю как «Цусимский инцидент» (наверняка названный так в российском МИДе из-за «опасения с кем-то поссориться») и о, без преувеличения, «стратегической ошибке князя Горчакова», вновь вспомнили во время русско-японской войны, когда в мае 1904 года в Корейском проливе в ходе двухдневного боя была разгромлена Вторая русская тихоокеанская эскадра вице-адмирала З. Рожественского, пытавшаяся прорваться во Владивосток.

Как писал в этой связи в 1912 году авторитетный журнал «Морской сборник», «о Цусиме вспомнили уже перед войной 1904–1905 годы, но момент, конечно, был упущен: бой 14 мая 1905 года у Цусимы подтвердил нам на деле достаточно ясно верность мыслей как Лихачева, так и Велико-го Князя» [Житков, 1912, с. 27].

Жаль только, что такое прозрение зачастую приходит к нам слишком поздно, когда изменить что-либо уже нельзя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тихменев П. С. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действия ее до настоящего времени. Ч. 1. СПб., 1861.
2. Головин П. К. Обзор русских колоний в северной Америке // Морской сборник. 1862. Т. 57. № 1. С. 3–127.
3. The Encyclopedia Americana. Vol. 13, 1973.
4. Миклухо-Маклай Н. Н. Собрание сочинений: в 6 т. / Ин-т этнографии АН. М.: Наука, 1997. Т. 5.
5. Броунли Я. Международное право. Кн. 1. М.: Прогресс, 1997.
6. Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917) / сост. И. В. Козьменко. М.: Госполитиздат, 1952.

7. Житков К. Г. Светлой памяти Великого Князя Константина Николаевича // Морской сборник. 1912. № 3, неофициальный отдел.
8. Болгурцев Б. Н. Стратегическая ошибка князя Горчакова // Гангут. 1993. № 5. С. 76–79.
9. Коршунов Ю. Л. Генерал-адмиралы Российского императорского флота. СПб.: Издат. дом «Нева», 2003.

REFERENCIES

1. Tikhmenev, P. S. (1861). Istoricheskoe obozrenie obrazovaniya Rossiisko-amerikanskoi kompanii i deistviya ee do nastoyashchego vremeni = Historical review of the formation of the Russian-American Company and its actions to date. Part 1. Saint Petersburg. (In Russ.)
2. Golovin, P. K. (1862). Overview of Russian colonies in North America. Morskoi sbornik, 57(1), 3–127. (In Russ.)
3. The Encyclopedia Americana, Vol. 13, 1973.
4. Miklukho-Maklai, N. N. (1997). Sobranie sochinenii = Collected works: in 6 vols. Ethnography institute of Academy of Science. Moscow: Nauka, 1997. Vol. 5. (In Russ.)
5. Brounli, Ya (1997). Mezhdunarodnoe pravo. Kn. 1 = International Law. Book 1. Moscow: Progress. (In Russ.)
6. Kozmenko, I. V. (Comp.). (1952). Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917 = Collection of treaties between Russia and other states. 1856–1917. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
7. Zhitkov, K. G. (1912). To the bright memory of Grand Duke Konstantin Nikolaevich. Morskoi sbornik, 3, unofficial department. (In Russ.)
8. Bolgurtsev, B. N. (1993). Prince Gorchakov's strategic mistake. Gangut, 5, 76–79. (In Russ.)
9. Korshunov, Yu. L. (2003). General-admiraly Rossiiskogo imperatorskogo flota = Admirals-General of the Russian Imperial Navy. St.Petersburg: Neva. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Плотников Алексей Юрьевич

доктор исторических наук
профессор кафедры английского языка
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
член Научного совета Российского военно-исторического общества (РВИО)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Plotnikov Alexey Yurjevich

Doctor of History (Dr. Habil)
Professor of the Department of English Language
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University
Member of the Scientific Council, Russian Military Historical Society

Статья поступила в редакцию	12.07.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	22.08.2024	
принята к публикации	18.11.2024	